

В.Г. ЗУБАРЕВ, С.В. ЯРЦЕВ, С.Л. СМЕКАЛОВ
V.G. ZUBAREV, S.V. YARTSEV, S.L. SMEKALOV

**«ВАРВАРСКИЙ» КОМПОНЕНТ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ
СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА
ВО II – V ВВ. Н.Э. (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДИЩА БЕЛИНСКОЕ)¹
«BARBAROUS» COMPONENT IN THE MATERIAL CULTURE OF
RURAL SETTLEMENTS OF THE EUROPEAN BOSPOR IN
II - V CENTURIES AD (BY THE EXAMPLE OF THE CITY BELINSKAYA)**

Взаимодействие различных культур в немалой степени зависит от территориальной близости и стабильности контактов между этническими группами [Масленников, 2011, с. 243]. На периферии античного мира, особенно в приграничных районах, такие контакты были устойчивыми и влияние античной цивилизации на соседних варваров несомненно. Однако сколь бы тесными в данном случае ни были контакты, они не вели к ассимиляции местного населения, сохранявшего в большей или меньшей степени собственную идентификацию.

Иное дело группы варваров, оказавшиеся по тем или иным причинам на территории самого античного государства и инкорпорированные в его структуру. Здесь такие группы, представлявшие собой некое инородное тело (чуждый элемент), неизбежно должны были подвергнуться ассимиляции и в конечном итоге утратить собственную идентичность. С другой стороны, немалую роль в этом процессе играл количественный фактор. Сколь бы высокой ни была культура, если носителей этой культуры мало, то вероятность их растворения в варварской среде чрезвычайно велика. И тогда «варваризация» общества неизбежна. При этом отдельные элементы прежней культуры (в том числе и язык) могут сохраняться достаточно долго, однако их носителей уже вряд ли возможно идентифицировать как прежнее население.

Эти процессы становятся особенно интенсивными в римский и позднеантичный периоды, когда правители Боспора активно привлекают варварский контингент в качестве наёмников или федератов, расселяя эти группы варваров на своей территории в военных крепостях и поселениях. Поскольку письменными источниками, отражавшими этот процесс, мы почти не располагаем, на первый план выдвигается использование результатов раскопок поселений и некрополей, которые могли быть связаны с практикой расселения варваров на территории Боспорского царства. В этой связи городище Белинское для решения этой задачи можно рассматривать как эталонный памятник.

¹ Работа выполнена в рамках НИР «Археологические и геофизические изыскания на археологических памятниках Аджиэльской балки для проверки гипотез о характере антропогенного воздействия в период голоцена» в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого (задание Минобрнауки России, № 33.6496.2017/8.9).

Ширина данного слоя до 0,8 м. Мощность до 0,6 м. Слой бутового камня располагался на подсыпке из мелкого щебня и крошки мощностью до 0,15 м. Аналогичная подсыпка имела место и вдоль фундаментов юго-западной и юго-восточной стен. В наиболее уязвимых местах фортификация дополнялась глубоким рвом. Последний не давал возможности подвести осадные орудия непосредственно к куртине.

Фортификационная система городища традиционно включала в себя и башни. К настоящему времени они выявлены на южном и западном участках, на угловых стыках оборонительных стен. В наиболее полном виде до нас дошел фундамент западной башни (рис. 2). Она имеет близкую к квадрату форму при площади внутри периметра стен 10,24 кв. м. Кладка стен двухслойная двухлицевая. Слои внешних и внутренних фасов сложены из частично обработанных блоков желтого ракушечника местного происхождения. В северном углу башни на фундаменте стены *in situ* сохранился один рустованный блок первого ряда кладки (0,9 x 0,55 x 0,6 м, глубина руста 0,05 м). Условно правильную форму поверхность фундамента внешнего фаса с четко выраженным ложком имеет не весь кладочный материал. Преобладают камни средней величины (0,7 x 0,7 - 0,7 x 0,6 м). Кладочный раствор глинистый с примесью земли.

Близкие по размерам и форме башни известны на поселениях как Европейского Боспора, так и в целом в Северном Причерноморье [Крыжицкий, 1993, с. 181–185]. Однако в нашем случае башня расположена с внешней стороны под острым углом к куртине, что позволяет отнести данную конструкцию к системе так называемых «косых куртин», о которых сообщает Филон Византийский (Philon, VIII, 13-15).

Внутренняя планировка достаточно чёткая и приближается к планировке стационарного римского лагеря. Выявленные в ходе раскопок жилые и хозяйственные постройки ориентированы по сторонам света. Кладка сохранившихся фундаментов качественная и типична для античных поселений этого времени. Постройки разделены улицами. Участки двух таких улиц, пересекающихся под прямым углом, выявлены в северной части городища. Участок ещё одной улицы (по-видимому, центральной) был исследован на раскопе «Центральный» (рис. 3). Ширина улицы – около 3 м. Направление с юго-востока на северо-запад. Покрытие улицы представляет собой плотный слой крошки желтого ракушечника толщиной до 0,3 м. Сохранились остатки фундаментов четырёх прямоугольных в плане зданий, примыкавших к улице (два с одной стороны, два с другой). Все стены, образующие здания, имеют двухпанцирную кладку на смешанном из глины и земли растворе с забутовкой из той же глинистой субстанции вперемешку с мелким щебнем. Большинство камней не обработано вовсе или имеет незначительные подтёсы. Исключение составляют угловые блоки из хорошо обработанного жёлтого ракушечника. Ширина стен – до 0,8 м.

Массовый и коллекционный материал также вписывается в общий контекст античной культуры: обломки тары (в первую очередь амфор, преимущественно южнопонтийского и боспорского производства), краснолаковой и обычной столовой посуды, фрагменты терракотовых статуэток, пряслица, ткацкие грузила, монеты.

Доля лепной керамики на начальном этапе крайне незначительна, однако к середине III в. н.э. её процент увеличивается.

К концу II в. н.э. после успешных походов Савромата II на городище Белинское начинает меняться состав населения. С одной стороны, отсюда уходят воинские контингенты, с другой – возможно, появляются беженцы-переселенцы, которые вместе с осевшими здесь ветеранами составляют основу нового населения [Зубарев, 2008, с. 119].

Миграция населения из наиболее пострадавшего во время войны Центрального Крыма в Восточный Крым, на Боспор, хорошо прослеживается по данным анализа лепной керамики, проведенного В.П. Власовым [Власов, 2006, с. 173]. Это подтверждается и появлением новых для территории Боспора культовых захоронений животных, захоронений внутри помещений человеческих черепов и других инноваций [Емец, Масленников, 1992, с. 32–40]. На городище Белинское к настоящему времени насчитывается семь захоронений собак, которые достаточно уверенно можно связать с культовой сферой. Два из них выявлены в ямах, заполненных золой и являвшихся, по-видимому, ботросами. Четыре – под фундаментами помещений. Одно – в основании северо-западной крепостной стены.

Скорее всего, именно в рамках выявленной А.А. Масленниковым особой роли позднескифского этноса в культуре населения Боспора [Масленников, 2007, с. 517–522] необходимо оценивать и погребение с недоношенными младенцами на Белинском городище в углу, образованном внешним северо-западным фасом оборонительной стены и выступающем внешним северо-восточным фасом стены западной башни (рис. 4). В небольшой ямке глубиной 0,2 м, перекрытой несколькими крупными фрагментами стенок амфоры типа № 83 по И.Б. Зеест, были выявлены останки двух плодов человека, внутриутробный возраст которых составлял 8,8-9,2 и 8,9-9,3 лунных месяца. Вероятнее всего, в обоих случаях имело место прерывание беременности, а именно – преждевременные роды². Захоронение не привязано к основанию фундамента стен, который заглублён здесь в материк на 0,4 м.

Учитывая склонность крымских скифов к подражанию античным вкусам [Высотская, 1975, с. 48], данный обряд явно имел синкретический характер, являясь продуктом взаимовлияния греческих погребений детей в сосудах и местного скифского обычая погребения младенцев на поселениях [Высотская, 1979, с. 169; Высотская, 1984, с. 139]. Применительно к погребению на Белинском городище, как и в ряде других мест, это просматривается в отсутствии собственно самого сосуда, на который только намекают отдельные черепки.

Однако материалы, полученные при исследовании некрополя городища Белинское, заставляют усомниться в том, что только крымские скифы были участниками миграции населения.

Некрополь городища Белинское, расположенный в 600 м к востоку от городи-

² Определение антропологического материала осуществлено Д. Ю. Пономарёвым (г. Керчь).

ща, функционировал на протяжении почти всего времени существования поселения. Наиболее ранние погребения в его центральной части совершались в типичной для Боспора склепах с искусственным полуциркульным перекрытием (рис. 5) и грунтовыми могилах с «заплечиками» (рис. 6) или без них (рис. 7). В то же время на южном участке некрополя погребения совершались в могилах, в длинных стенах которых имелись пазы, предназначенные для удержания краёв деревянного или каменного перекрытия (рис. 8). Единственным аналогом этих погребений могут служить ранние грунтовые могилы могильника Нейзац в центральной части Предгорного Крыма [Храпунов, 2004, с. 134]. Появление таких захоронений здесь связывается с определённой группой сармат, не вступавшей в тесные контакты с поздними скифами и отличающейся некоторой замкнутостью [Храпунов, 2004, с. 136].

Погребения данного типа на некрополе городища Белинское занимают обособленный участок, удалённый от обычных боспорских погребений в центральной части. Судя по выявленным остаткам богатого погребального инвентаря (рис. 9), группа обладала достаточно высоким социальным статусом. Присутствуют как мужские, так и женские захоронения. Все захоронения одиночные. Часть захоронений была с оружием (в грабительских отвалах было найдено несколько фрагментов мечей сарматского типа). Всё это свидетельствует в пользу интерпретации этнической группы людей, совершавших рассматриваемые погребения, в качестве наёмников на службе у боспорских царей. Соответственно, появление их в составе жителей городища Белинское можно рассматривать как проявление такого типа миграции, как профессиональная миграция. Обнаружить следы такой миграции можно только при наличии особенностей в погребениях. В остальном их жизнь ничем не отличалась от прочего населения.

После разгрома городища в ходе варварских походов III в. н.э. его архитектура претерпела некоторые изменения, но в целом сохранила греко-римские строительные традиции. Серьёзным образом была изменена фортификационная система городища. Это наглядно демонстрирует западный участок городища, где сохранился довольно большой фрагмент противотаранного пояса, полностью охватывающего фундамент западной башни и наглухо закрывающего проход вылазной калитки (рис. 10).

Противотаранный пояс пирамидальной или усеченно-конической формы опоясывает фундамент западной башни полукругом. Фундамент противотаранного пояса был вскрыт на участке длиной до 22,0 м (расстояние по линии фаса). Ширина 2,9 – 3,2 м. Максимальная высота выявленной кладки 1,9 м. Сохранность до 6 рядов кладки. Кладка двухслойная, однолицевая, сложена под острым углом к основанию конструкции. Кладочный материал из слоя фаса представлен крупными необработанными камнями (0,9 x 0,4 x 0,5; 1,1 x 0,4 x 0,6; 0,8 x 0,5 x 0,4 м) из белого известняка, среди которых выявлены и обработанные каменные изделия вторичного использования: антропоморфное надгробие (?) (0,4 x 0,12 x ? м) и известняковый алтарь (0,3 x 0,2 x 0,4 м). Пригонка каменных глыб не плотная. Кладочный раствор

содержит большое количество земли. Пространство между фасом противотаранного пояса и непосредственно стенами западной башни заполнено слоем бутового камня мелкого и среднего размеров. При этом участок острого угла, образованного северо-западной куртиной и стеной западной башни, включая находящееся здесь погребение младенцев, также был перекрыт слоем бутового камня мелкого и среднего размера мощностью до 0,6 м. Подножие противотаранного пояса расположено на слое золы и горелого серо-коричневого суглинка. Самые нижние камни противотаранного пояса, лежащие непосредственно на слое пожара, следов воздействия высоких температур не содержат.

Противотаранным поясом была укреплена не только западная башня, но и юго-западная оборонительная стена (рис. 11). Принцип конструкции аналогичен противотаранному поясу западной башни.

Планировка внутри оборонительной линии в целом остаётся прежней. В ряде случаев разрушенные постройки восстанавливаются на прежних фундаментах. Расширяется площадь застройки. Появляются больше хозяйственных ям и построек хозяйственного назначения. Каких-либо инноваций, чуждых античной культуре, выявлено не было.

То же самое можно сказать и в отношении массовых и индивидуальных находок, хотя здесь некоторые изменения заметны более отчётливо. Помимо существенного возрастания доли лепной посуды в общем объёме керамики, присутствие новой группы населения на городище подтверждается находками аланской керамики. В частности, интерес представляет серолощённый кувшин биконической формы, явно подражающий черняховской керамике (рис. 12). Кроме того, следует отметить находки довольно большого количества фрагментов лепных лощёных мисок с полусферическим или усеченно-коническим туловом и резко загнутыми краями, отделёнными от тулова чётко выраженным ребром. Миски такой профилировки обычно считаются имитацией аналогичных краснолаковых сосудов. Однако в тех случаях, когда на памятниках они фиксируются в слоях и комплексах после середины III в. н.э., особенно если ранее такая посуда здесь не встречалась, её присутствие следует рассматривать как проявление керамических традиций черняховской археологической культуры. Отметим при этом, что доля краснолаковой посуды по сравнению с начальным периодом в истории городища снижается.

Расселение очередной варварской группы на городище в качестве постоянного оседлого населения фиксируется и по новому типу погребальных сооружений, который вплоть до вторичного разрушения городища на рубеже первой и второй четверти IV в. н.э. становится доминирующим на некрополе городища Белинское. Речь идёт о появлении здесь во второй половине III в. н.э. вырубных склепов с коротким дромосом. Аналогичные по конструкции склепы известны в Предгорном Крыму (могильники Нейзац, Дружное, Инкерман и др.) [Храпунов, 2004, с. 138, 148]. В первые века н.э. они становятся доминирующими и на некоторых могильниках Восточного Крыма, в частности на Илуратском плато. В.А. Хршановский,

опираясь на типологию боспорских склепов Е.А. Савостиной, определяет такие склепы, как склепы-катакомбы [Хршановский, 2012, с. 526]. Их отличают входные ямы, прямоугольные или трапециевидные в плане, не заполненные камнями короткие дромосы, входы в которые закрывались крупными каменными плитами, и прямоугольные или трапециевидные в плане погребальные камеры с коробовым (полуциркульным) сводом (рис. 13). Традиция строительства подобных склепов связана с Северным Кавказом, а их доминирование на некрополе городища Белинское начиная с последней четверти III в. н.э. свидетельствует о присутствии в составе населения выходцев с Северного Кавказа, скорее всего, алан [Зубарев, 2009, с. 176–178].

Наиболее существенные изменения, свидетельствующие о качественном переделе в жизни населения городища Белинское, произошли на заключительном этапе античного периода в его истории. На территории жилой части городища появляются зольники. Любопытно то обстоятельство, что зольники эти располагались по углам периметра городища над заброшенными и по большей части разобранными фортификационными сооружениями предшествующего времени. Так, участок вдоль северо-западной оборонительной стены (включая остатки фундамента) специально был засыпан золой из домашних очагов и бытовым мусором. Ритуальные захоронения, которые совершались на этом участке (рис. 14), фактически рядом с жилыми домами, свидетельствуют о нарушении одной из составляющих традиционной античной культурной структурно-пространственной парадигмы – погребение своих умерших на некрополе. Следует отметить, что погребения этого времени выявлены не только в северной части, но и на центральном участке и в восточной части городища [Зубарев, Ярцев, 2015, с. 142–153].

Резко снизилось качество построек. Хотя, справедливости ради, необходимо отметить, что некоторое подобие прежнего благоустройства всё же сохранялось. Например, в северной части городища был выявлен ливневый водосток, функционировавший именно в это время.

Третий период в истории городища, с одной стороны, характеризуется также резким сокращением доли краснолаковой керамики (на этот период приходится чуть больше 20 %, причём в этот процент входит довольно много керамики, попавшей сюда из более ранних слоёв). С другой стороны, существенно возрастает доля лепной керамики, в том числе подражающей известным краснолаковым типам [Зубарев, Крайнева, 2005, с. 197–221]. Увеличивается также доля лепной керамики с зооморфными ручками.

Большинство погребений этого времени как на некрополе, так и на городище безынвентарные или содержат крайне бедный инвентарь.

Анализ сакральных комплексов, выявленных на городище, позволяет говорить о существенном усилении хтонических культов в религиозной практике местных жителей [Зубарев, 2015, с. 161–181], однако однозначно связывать это явление с влиянием мигрантов мы бы не стали. Так, например, ритуальные погребения собак на городище имели место как в период строительства поселения, так и на последнем

этапе его существования. Появление в восточной части городища в конце III в. н.э. каменных кругообразных сооружений (рис. 15), наиболее близкие аналоги которым имеются на некрополе Илурата [Ханутина, Хршановский, 2003, с. 317–318], связано с новыми этническими группами в составе населения, а именно с носителями сармато-аланской культуры. Данное обстоятельство подтверждается и существенными изменениями в наборе votивных предметов. Из их числа почти полностью исчезают терракотовые статуэтки наряду с появлением лепных статуэток всадников и некоторых животных.

Итак, археологический материал из раскопок городища Белинское и его некрополя свидетельствует о постепенной «варваризации» населения этого сельского поселения. Процесс «варваризации» был достаточно длительным и на начальном этапе малозаметным. Первая волна мигрантов, представлявших наёмников на службе боспорских царей, мало чем отличалась от общей массы населения, сохраняя лишь особенный тип погребального сооружения. Вторая волна, пришедшая на городище после или во время варварских походов III в. н.э., уже была более заметна, но в целом осталась в русле греко-римской культурной традиции. Лишь на заключительном этапе с третьей волной мигрантов проникновение в традиционную материальную культуру чуждых элементов переросло в качество. Оно покончило с античной культурной структурно-пространственной парадигмой. Сначала мигранты начали хоронить своих умерших за пределами некрополя, а затем (в первой половине V в. н.э.) отказались проживать в домах на городище и окончательно покинули его.

Основной причиной такого исхода стал количественный фактор. Каждая новая волна мигрантов хотя и принимала античный образ жизни, вносила в него некоторую часть собственных традиций. Степень первичной эллинизации новых переселенцев уменьшалась, а их количество увеличивалось. Пока носителей традиционной античной культуры было достаточно, чтобы противостоять чуждому влиянию, это влияние незначительно отражалось на материальной культуре. Как только этот баланс нарушился, «варваризация» культуры пошла полным ходом. В крупных городах и, возможно, части прибрежных поселений античные ценности ещё какое-то время сохранялись, однако на сельской территории с ними было покончено.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Власов В.П. О позднескифских миграциях на Боспор // БИ. 2006. Вып. XI. С. 163–176.
Высотская Т.Н. Скифские городища. 1975. Симферополь.
Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. 1979. Киев.
Высотская Т.Н. Некоторые аспекты духовной культуры населения Усть-Альминского городища // 1984. Античная и средневековая идеология. Свердловск. С. 132–140.
Емец И.А., Масленников А.А. Новые данные о религиозных представлениях сельского населения античного Боспора // 1992. РА. 4. С. 32–42.
Зубарев В.Г. Городище Белинское в системе фортификации Европейского Боспора в I – II вв. н.э. // 2008. БЧ. IX. С. 116–122.

Боспорские исследования, вып. XXXVIII

- Зубарев В.Г. К вопросу об этническом составе жителей сельских поселений Европейского Боспора в III – IV вв. н.э. // 2009. БЧ. X. С. 175–181.
- Зубарев В.Г. Культовые объекты на городище у села Белинское в Восточном Крыму (по материалам раскопок 1996–2014 гг.) // 2015. ДБ. Т. 19. С. 161–183.
- Зубарев В.Г., Крайнева А.А. Лепная керамика с городища у села Белинское в Восточном Крыму // 2005. ДБ. Т. 8. С. 197–221.
- Зубарев В.Г., Седых Е.Е. Планировка и основные этапы застройки городища Белинское во II – первой половине V вв. н.э. // 2013. БИ. Вып. XXVIII. С. 250–274.
- Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Римская культурная экспансия на периферии античного мира // 2015. Цивилизация и варварство. Вып. IV. С. 125–160.
- Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. 1993. Киев.
- Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. 2007. М.
- Масленников А.А. Культурные взаимодействия в полиэтнической среде (факторы влияния и варианты последствий) // 2011. БЧ. XII. С. 240–245.
- Ханутина З.В., Хршановский В.А. Ритуальные сооружения на некрополе Илурата // 2003. БИ. Вып. III. С. 315–328.
- Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // 2004. БИ. Вып. VI. С. 1–239.
- Хршановский В.А. Склепы-катакомбы на Илуратском плато: типология, хронология, проблемы этнокультурной принадлежности // 2012. ДБ. Т. 16, С. 526–547.

REFERENCES

- Vlasov V.P. O pozdneskifskih migratsiyah na Bospor // BI. 2006. Vyp. XI. P. 163–176.
- Vyisotskaya T.N. Skifskie gorodischa. 1975. Simferopol.
- Vyisotskaya T.N. Neapol – stolitsa gosudarstva pozdних skifov. 1979. Kiev.
- Vyisotskaya T.N. Nekotoryie aspekty duhovnoy kultury naseleniya Ust-Almynskogo gorodischa // 1984. Antichnaya i srednevekovaya ideologiya. Sverdlovsk. P. 132–140.
- Emets I.A., Maslennikov A.A. Novyye dannyye o religioznykh predstavleniyah selskogo naseleniya antichnogo Bospora // 1992. RA. 4. P. 32–42.
- Zubarev V.G. Gorodische Belinskoe v sisteme fortifikatsii Evropeyskogo Bospora v I – II s. AD // 2008. BCh. IX. P. 116–122.
- Zubarev V.G. K voprosu ob etnicheskom sostave zhitel'ey selskikh poseleniy Evropeyskogo Bospora v III – IV vv. n.e. // 2009. BCh. X. P. 175–181.
- Zubarev V.G. Kultovyye ob'ekty na gorodische u sela Belinskoe v Vostochnom Krymu (po materialam raskopok 1996–2014 gg.) // 2015. DB. T. 19. P. 161–183.
- Zubarev V.G., Krayneva A.A. Lepnaya keramika s gorodischa u sela Belinskoe v Vostochnom Krymu // 2005. DB. T. 8. P. 197–221.
- Zubarev V.G., Sedykh E.E. Planirovka i osnovnyye etapy zastroyki gorodischa Belinskoe vo II – pervoy polovine V vv. n.e. // 2013. BI. Vyp. XXVIII. P. 250–274.
- Zubarev V.G., Yartsev S.V. Rimskaya kulturnaya ekspansiya na periferii antichnogo mira // 2015. Tsivilizatsiya i varvarstvo. Vyp. IV. S. 125–160.
- Kryzhitskiy S.D. Arhitektura antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya. 1993. Kiev.
- Maslennikov A.A. Selskie svyatilischa Evropeyskogo Bospora. 2007. M.
- Maslennikov A.A. Kulturnyye vzaimodeystviya v polietnicheskoy srede (faktoryi vliyaniya i variantyi posledstviy) // 2011. BCh. XII. P. 240–245.
- Hanutina Z.V., Hrishanovskiy V.A. Ritualnyye sooruzheniya na nekropole Ilurata // 2003. BI. Vyp. III. P. 315–328.
- Hrapunov I.N. Etnicheskaya istoriya Kryima v rannem zheleznom veke // 2004. BI. Vyp. VI. P. 1–239.
- Hrishanovskiy V.A. Sklepy-katakomby na Iluratskom plato: tipologiya, hronologiya, problemy etnokulturnoy prinaldlezhnosti // 2012. DB. T. 16. P. 526–547.

Резюме

В статье на основе материала, полученного при раскопках городища Белинское и некрополя городища Белинское (Восточный Крым) в период с 1996 по 2018 год, делается попытка выделить «варварский» компонент в материальной культуре населения. Авторы анализируют изменения в архитектуре городища, типах погребений, массовых и коллекционных находках и сакральных комплексах в период со II в. по середину V в. н.э. Делается вывод о наличии как минимум трёх волн миграции. Две первых волны в основном оставались в русле греко-римской культурной традиции. Лишь с третьей волной мигрантов проникновение в традиционную материальную культуру чуждых элементов переросло в качество. К середине V в. н.э. оно покончило с античной культурной структурно-пространственной парадигмой. Сначала мигранты начали хоронить своих умерших за пределами некрополя, а затем отказались проживать в домах на городище и окончательно покинули его.

Ключевые слова: Крым, Керченский полуостров, Боспорское царство, городище Белинское, археология.

Summary

In an article, based on material obtained during the excavations of the «Belinskoe» settlement and the Belinskoe settlement necropolis (Eastern Crimea) from 1996 to 2018, an attempt is made to highlight the “barbarous” component in the material culture of the population. The authors analyze changes in the architecture of the settlement, types of burials, mass and collection finds and sacral complexes in the period from the II to the mid V centuries. n.e. It is concluded that there are at least three waves of migration. The first two waves mostly remained in line with the Greco-Roman cultural tradition. It was only with the third wave of migrants that the penetration into the traditional material culture of alien elements grew into quality. By the middle of V century it did away with the ancient cultural structural-spatial paradigm. At first, the migrants began to bury their dead outside the necropolis, and then refused to live in houses in the castle mound and finally left it.

Keywords: Crimea, Kerch peninsula, Bosphorus Kingdom, Belinskoe hillfort, archeology, antiquity.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зубарев Виктор Геннадьевич, д.и.н.,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
заведующий кафедрой.
parosta@mail.ru

Ярцев Сергей Владимирович, д.и.н.,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
доцент.
s-yartsev@yandex.ru

Смекалов Сергей Львович, к.и.н.,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
старший научный сотрудник.
slsmek@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zubarev Viktor G., DSc,
Tula State Pedagogical University,
Professor, Head of Cafedra.
parosta@mail.ru

Yartsev Sergei V., DSc,
Tula State Pedagogical University,
Associate Professor.
s-yartsev@yandex.ru

Smekalov Sergei L., PhD,
Tula State Pedagogical University,
Senior Researcher.
slsmek@mail.ru

Рис. 1. Северо-западная стена городища Белинское. Вид с севера.

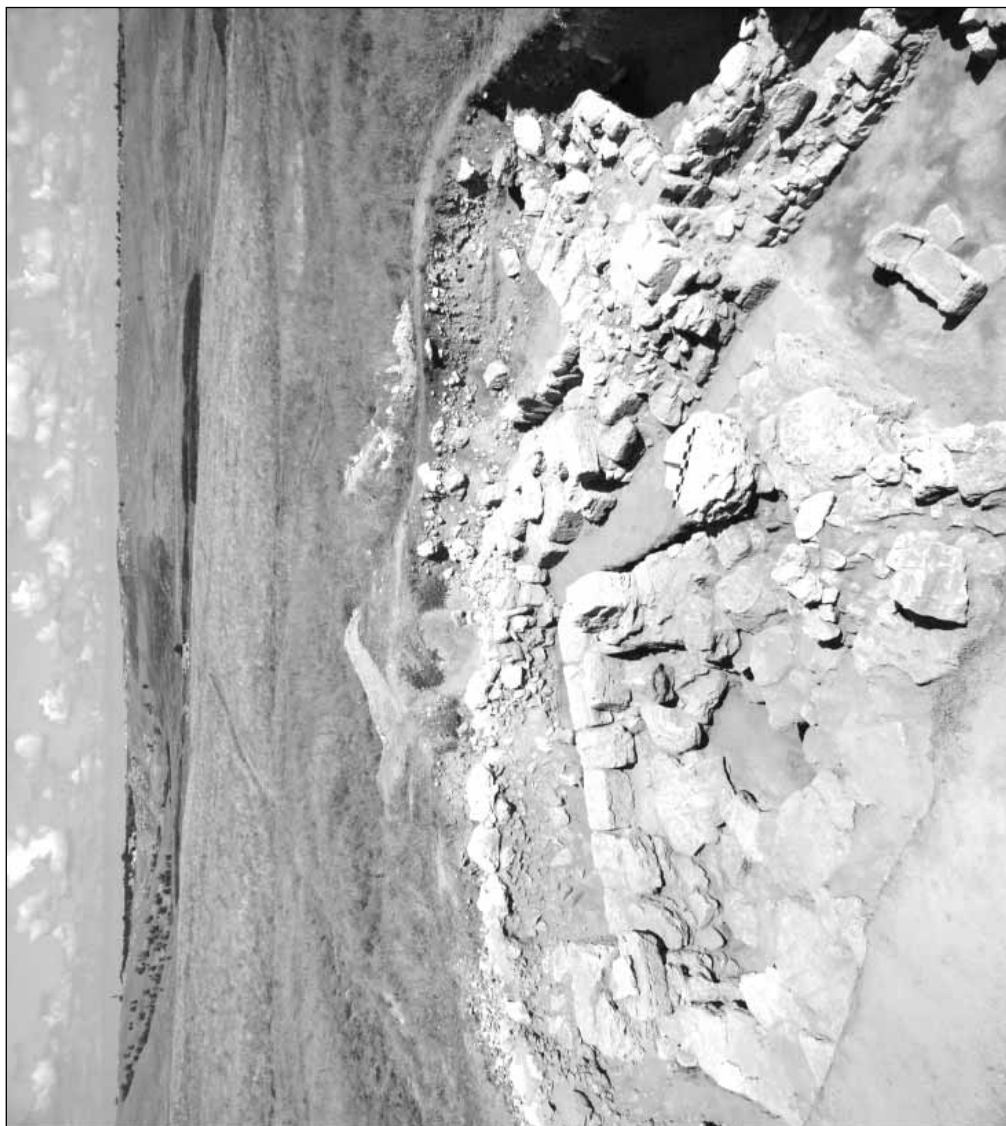

Рис. 2. Западная башня на городище Белинское. Вид с юго-востока.

Рис. 3. Участок «центральной» улицы на городище Белинское. Вид с юго-востока.

Рис. 4. Культовое захоронение младенцев на городище Белинское. Вид с северо-востока.

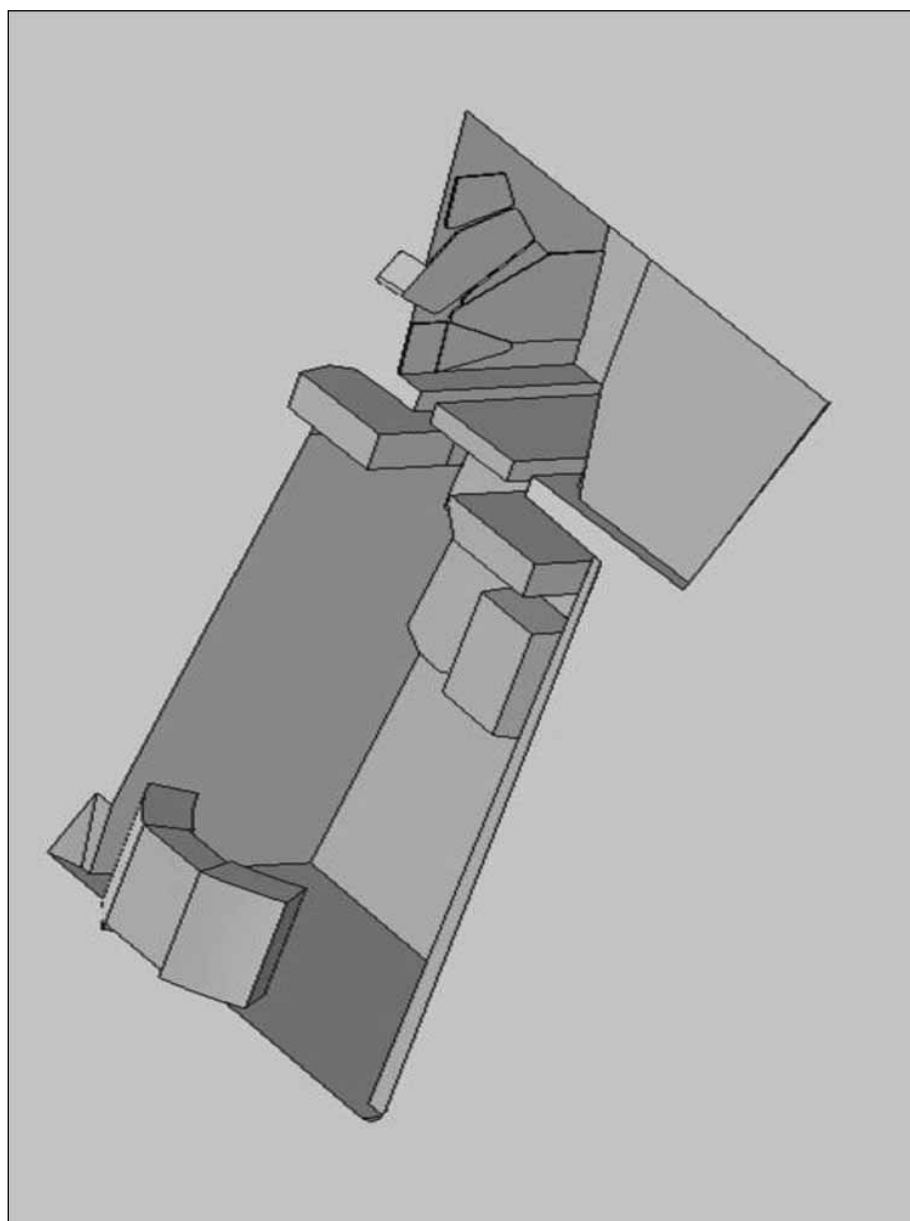

Рис. 5. Реконструкция склепа № 19 на некрополе городища Белинское.

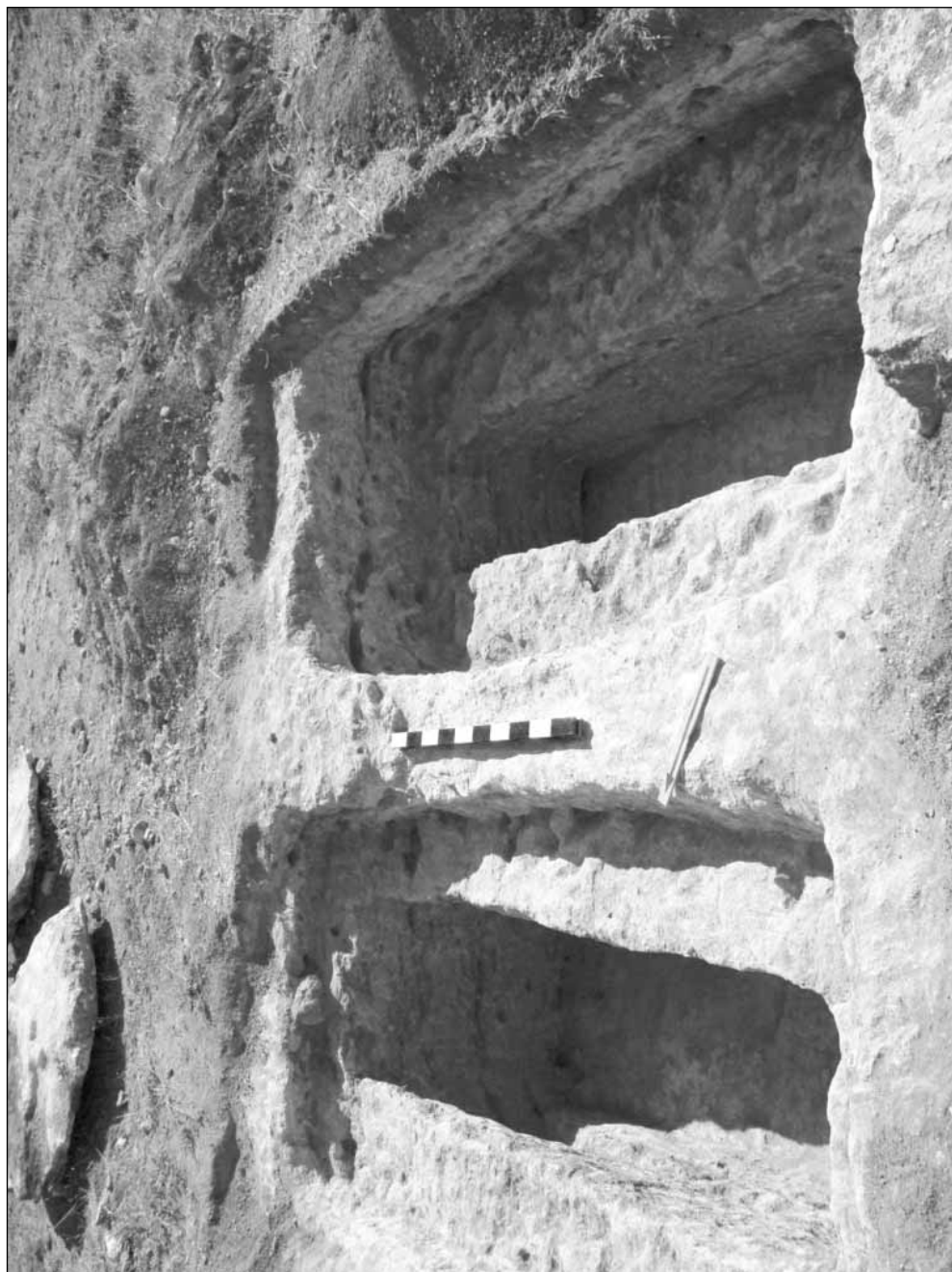

Рис. 6. Погребения с «заплевниками» на некрополе городища Белинское.

Рис. 7. Погребение без «запечников» на некрополе городища Белинское.

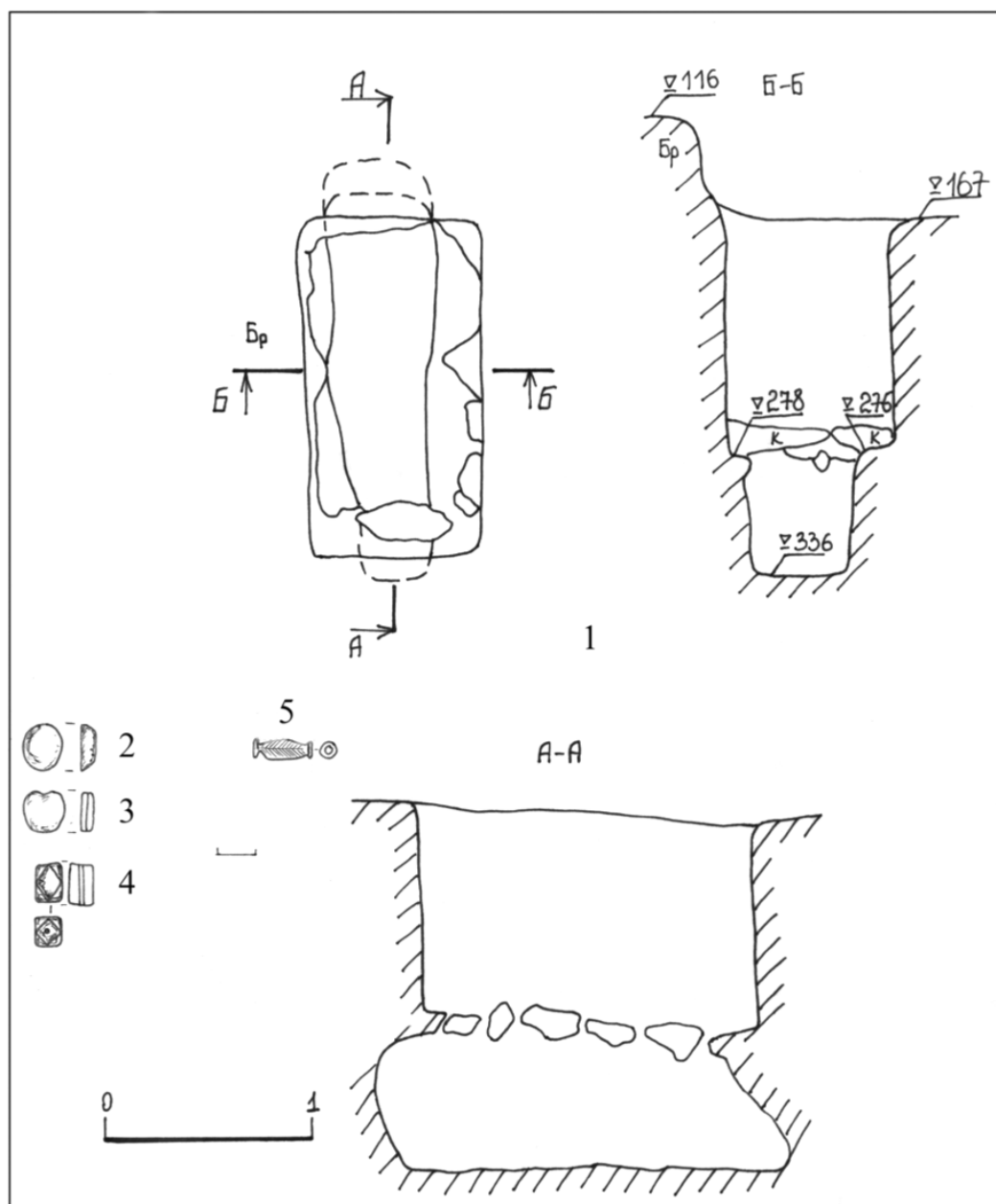

Рис. 8. Погребение с пазами в стенах могильной ямы на южном участке некрополя городища Белинское.

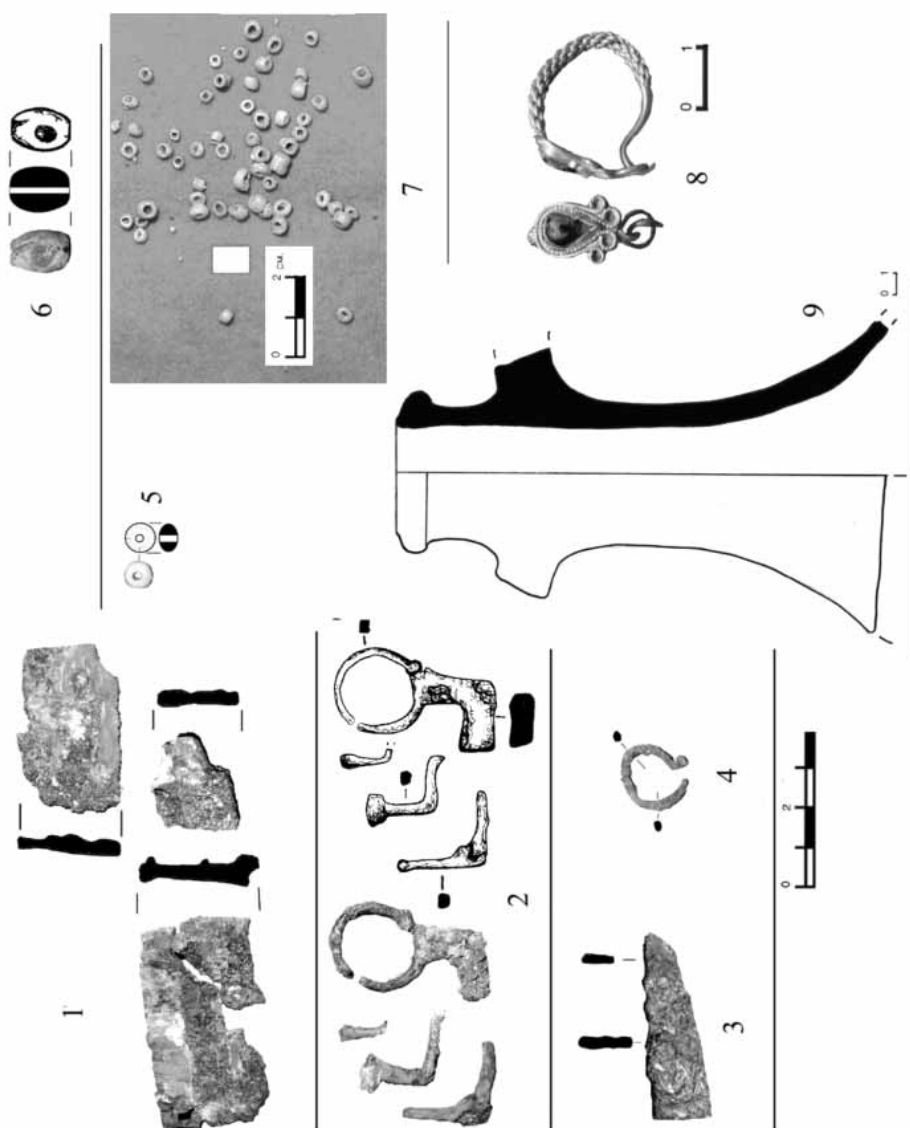

Рис. 9. Потребальный инвентарь с южного участка некрополя городища Белинское.

Рис. 10. Противотаранный пояс западной башни на городище Белинское.

Рис. 11. Противотаранный пояс юго-западной оборонительной стены на городище Белинское.

Рис. 12. Серолощенный биконический кувшин из раскопок городища Белинское.

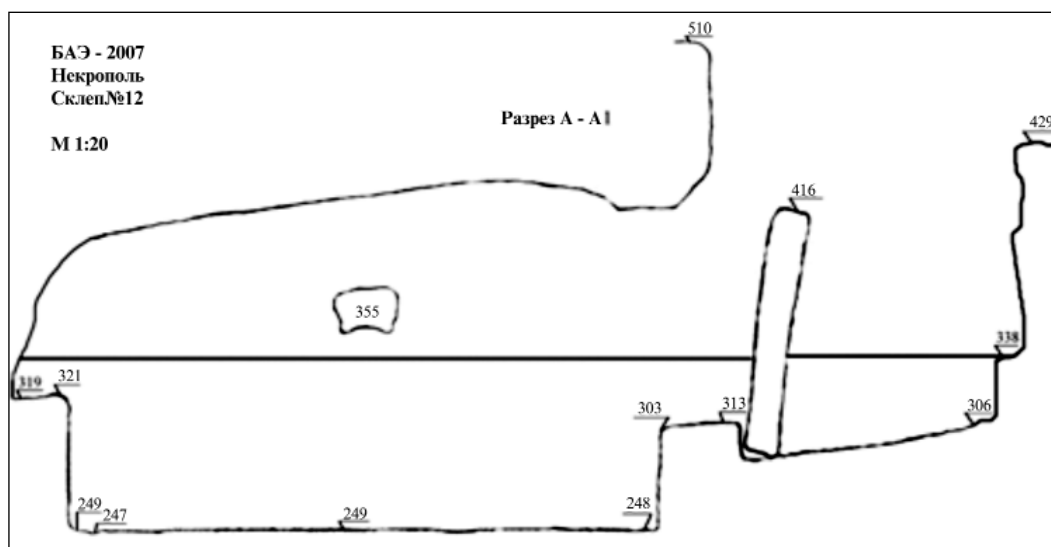

Рис. 13. Разрез вырубного склепа с коротким дромосом. Некрополь городища Белинское.

Рис. 14. Захоронение в зольнике на городище Белинское.

Рис. 15. Каменные круги в восточной части городища Белинское.